

Наталья Рудакова

Портреты и судьбы

(николаевские фамилии)

Выпуск 1-й

издательство
ИРИНЫ ГУДЫМ
НИКОЛАЕВ - 2007

ББК 63.347 (4Укр-4Мик)

Р 83

Иллюстрации предоставлены автором

**Н.Н. Рудакова. Портреты и судьбы (николаевские фами-
лии).** Р 83 Выпуск 1-й — Николаев: Издательство Ирины Гудым,
2007 — 32 с., илл.

Голицыны, Браницкие, Арнольди, Россети — эти фамилии известны всем, интересующимся историей Николаева. В сборнике статей николаевского краеведа предпринята попытка исследования биографий некоторых личностей, причастных к истории нашего города, в связи с запечатлением их образов в произведениях изобразительного искусства.

ББК 63.347 (4Укр-4Мик)

©Н.Н. Рудакова, 2007

© Издательство Ирины Гудым, 2007

КАК ПОСРАВНИТЬ ДА ПОСМОТРЕТЬ ВЕК НЫНЕШНИЙ И ВЕК МИНУВШИЙ...

Хорошо жить в обетованной земле, свободной, счастливой, обустроенной.

Путешествующий по Южному Бугу может видеть ее такой: раскинувшиеся пейзажи Причерноморья с вековыми дубовыми и грабовыми лесами, с необозримыми полями, садами, виноградниками; панорамами городов и сел, гидростанциями и корабельными верфями.

Но чтобы сделать ее такой, какая она сейчас, ой как много и долго пришлось трудиться человеку!

В первые столетия нашей эры эту землю заселяют славянские народы, но обживать мешали набеги кочевых племен, сметавших все начала цивилизации, превращая край в безлюдную пустыню.

С XVI века — казачество, а в XVIII веке Русское государство развернуло борьбу за выход в Черное море.

Странные создания мужчины! Сколько существует на Земле человек — они воюют. И, кажется, кроме мифических греческих амазонок, именно мужчины из века в век — воители. Убивают друг друга, разрушают... После рожают себе подобных и снова строят и... борются за мир без войн! Сколько войн, малых и затянувшихся на годы и годы, знает Земля...

Александра Осиповна Смирнова-Россет

Немало военных кампаний вели славянские государства. С Петром I Русское государство, укрепляясь, стало вести грандиозные баталии. При дочери его – Елизавете – война с Пруссией длилась семилетие. Прусская принцесса Цербская, Фике, превращаясь в русскую императрицу Екатерину II, размышляя над военной политикой под ее руководством, желала бы мира, но «... лихие русские генералы хотят воевать – можно будет их послать на Турцию...» (дабы отвлечь от родной Пруссии – автор).

Так ли думала и планировала новая «русская матушка» (ибо размышление ее взято из исторической повести Всеволода Иванова «Императрица Фике»), но война за Северное Причерноморье развернулась в несколько кампаний.

Жертв было много и героев – тоже. Множество имен вписала эта война в историю государства российского, а теперь и украинского.

Они, эти имена, живут среди нас на Николаевщине в названиях балок, сел, станций, мостов и так далее. Хотим мы или не хотим их помнить, они живут, они на слуху, - в памятниках, в портретах – войны и устроители Дикого поля.

Юрий Семенович Крючков назвал и рассказал об отцах-основателях края, написав историю Николаева, вызвав благодарность южан и гордость предками.

Топонимический словарь-справочник «Старый Николаев и его окрестности», составленный этим замечательным человеком, разбудил у многих горожан интерес к истории сел, мостов, речушек, так как в них заложены имена создателей или связь с теми, кто был первым в наших местах.

Вот, скажем, в Списке населенных мест Херсонской губернии за 1896 год названы шесть или семь сел с именем Адамовка.

Одна Адамовка на р. Тилигул в Березанском районе, в 40 верстах от Одессы.

История этой Адамовки оказалась очень интересной. Ее рождение и название связаны с Иосифом Ивановичем Россети. Читателю художественную, мемуарную, историческую литературу фамилия **Россети** знакома, ибо это – отец **Александры Осиповны Россет-Смирновой** – (отчество и фамилия трансформировались), одной из замечательных женщин русского общества XIX века. Ей посвящали стихи все известные поэты ее времени, в письмах и вос-

поминаниях — восхищение или возмущение. Эта светская красавица была выше ограниченных интересов придворного круга. «Смеялась над толпою вздорной, судила здраво и светло», — сказал о ней А.С. Пушкин. П. Вяземский называл ее Donna Sol, Гоголь был ее духовным братом, В. Жуковский просил ее руки.

Иосиф Иванович Россети (1760-1813 гг.), швейцарец по национальности, вступил в русскую службу мичманом, был в 1788 г. флигель-адъютантом князя Г.А. Потемкина, а во время осады Очакова определен на бомбардирский катер №8 командиром. В жесточайших морских боях отличился храбростью. В последующие годы войны — командир фрегатов и других судов. Служил «ревностно и честно», — так отмечал в своих реляциях А.В. Суворов-Рымникский. И. Россети был удостоен высоких наград: орденов Святого Владимира IV степени и Св. Георгия IV класса.

В годы правления Павла I получил отставку, уехал на родину, но через несколько лет вернулся «в свою гавань» — на Черноморский флот. Теперь он исполнял скромную, но очень ответственную должность начальника карантин в Одессе. Честного, трудолюбивого Россети уважал и любил дук Ришелье, управляющий Новороссией. Знал и ценил его Александр I.

«По именному его Величества Указу за отличное усердие к службе пожалован коллежским советником 26 января 1805 года и 1 000 рублями». В 1807 году «пожалован Орденом Св. Анны II степени за отличное исполнение порученностей в отправлении в Корфу войск и провианта».

Вероятно, годом позже, остановясь проездом в Водяной (Грамаклея Еланецкого района), увидел он молодую девушку — **Надежду Лорер**, сделал предложение, получил благословение матери ее и женился. За взятие Очакова пожалован он был участком земли в 5 000 десятин на Тилигуле. «Отец мой при получении ее, — вспоминала Александра Осиповна, — сказал: Я первый владею этой землей и я нарекаю ее именем нашего общего предка.» Место было пустое, ни кола ни двора. Иосиф Иванович, как Адам, изгнанный Богом из рая, принялся за дело. С помощью местных казаков выстроил дом.

«Дом был маленький, в один этаж, построенный над пригорком, на котором отец развел фруктовый сад — груши, яблони всех сортов, развел даже ягоды.

И.О. Россет

Один из сыновей Иосифа Россети

ных губерний царан и болгар. Им отводили место, глину, солому для кровли, известь. Покупали соху, волов и два-три года они работали на себя. Отцу нужен был повар, он купил его за 3 000 руб.»

Александра Осиповна очень любила вспоминать детство и подростковые годы — они связаны с жизнью в деревнях Адамовке и Водяной (Еланецкий район сейчас). Любовью дышат страницы, в которых описывает она немудреный быт имения ее бабушки, Екатерины Евсеевны Лорер, у которой частенько проживали ее внуки.

Муж Екатерины Евсеевны, **Иван Иванович Лорер** — немец, приехавший в Россию в то время, когда заселялся отвоеванный у Турции Юг, явился к Потемкину. Тот, оценив его европейскую образованность, назначил советником Вознесенской губернии, а позже вице-губернатором Херсона.

Служил И. Лорер честно, земель не имел, жил на казенной квартире, получал 1 000 рублей содержания. Жена его (урожд. Цицианова) купила землю, и по выходу на пенсию мужа супруги поселились в деревне Грамаклее, или Водяной.

Подробно, тепло вспоминая бабушку, нигде не называет Александра Осиповна ее помещицей, барыней, а труженицей, которая живет очень скромно. «Дом в Грамаклее был в пять окон, вышту-

Мебели были простого дерева, выкрашены светло-желтой краской, и маленькие букеты роз по ним, а у меня был свой стул и диван — все было подарено Рихелье. По левую сторону дома была черная мутная речка Тилигул, а за ней были ветлы, а за ними огород. По правую сторону стояли рядом белые хаты. В 5-ти верстах от дома был ключ, тем заключалось наше имение.»

Александра Россет рассказывала, как и кем строились такие имения: «Тогда имения населялись или покупкой, или залучением бродячих крестьян из юж-

катуренный и желтого цвета, а крыша была железная, черная. Напротив дома была большая хата, в которой поселяли внуков. Рядом с домом — флигель. В самой глубине двора конюшня и сарай. В конюшне держали козла, «шобы черт не путал гривы коней». Рядом в сарае жил кучер Филипп.»

Деревья на солончаках и песках приживались плохо. Дюк Рيشелье, проезжая в Крым, остановился в Грамаклее. Увидел пустынные вокруг места. Спросил Екатерину Евсеевну (она была уже вдовой), почему не разведет сад?

Та отвечала: «Ах, батюшка Дюк, а где мне достать корней? Тут не найдешь и прута, чтоб сечь непослушных детей.» Дюк пообещал прислать корней. Под осень приехал его садовник (знаменитый Батист), посадил вдоль всей речки Водяной деревья, кусты ягод, даже малину, черемуху и кукурузу.

В 1990 или 91 году и позже несколько раз николаевские пушкинисты посещали Грамаклею. Удивительно, но дом Лореров (несколько перестроенный наследниками) такой, как его описывает Смирнова-Россет. За домом сад, конечно, уже обновленный, посаженный, как нам сказали, учащимися школы-интерната, которая расположилась в «господском» доме. От дома к реке Водяной, которая очаровывала Александру в детстве, «тихо катилась меж высокого тростника, что казалась неподвижной», — тянется большой парк с вековыми деревьями. Но парк совершенно запущен, зарос травой и диким кустарником. У самого пруда находили мы мраморные плиты с могил захороненных Лореров. Две перенесли к дому. В 1996 году, в последний мой приезд в Грамаклею, от плит остались лишь осколки. У николаевского Пушкинского клуба была попытка открыть здесь Музей декабриста (Н.И. Лорер, сосланный в Сибирь, родился и последние годы жил здесь, то есть в родном доме). Сельсовет отнесся к этому с пониманием, переселил интернат в другое место.

Но... Музей не то что не открыли — организаторы почему-то отказались от создания его.

Место Грамаклея знаменито еще и другой достопримечательностью. Через нее проходил тракт на Крым.

Екатерина Евсеевна Лорер содержала почтовую станцию. Ее из окон дома хозяйка хорошо видела. Проезжающих кормили в

доме помещицы, а ночевать отправляли в маленький домик станции, где готова была чистая постель. Екатерину Евсеевну знали многие знаменитые люди, царские семьи, губернаторы, военные. Любил поговорить с ней генерал Раевский, часто ездивший через село. Её она оставляла ночевать в доме своем. Был здесь и Лев Сергеевич Пушкин и, по преданию, Александр Сергеевич.

Несколько в стороне от нынешней шоссейной дороги виден «царский мостик» через ручей, по которому раньше и переезжали путешествующие, сюда-то и отправлялись дети Надежды Россети. Иосиф Иванович умер не по возрасту рано, в 1813 холерный год в Одессе, не успев поставить на ноги детей, а их осталось пятеро. Старшей – Александре – было только 5 лет, младшему 1 год.

Трудно было вдове. Хозяйством в Адамовке, хотя и небольшим, нужно управлять; доходов никаких: земли в Куяльнике, в Крыму, забрал какой-то Капниси, с которым затеяла тяжбу Надежда Ивановна, но не в её пользу закончился процесс.

Видимо, подталкиваемая этими трудностями, через три года после смерти Иосифа Россети выходит она замуж за полковника Ивана Карловича Арнольди.

О нем следующий рассказ.

С фамилией Арнольди связан топоним Александерфельд – Александровское поле, с. Березанка; владельцем был **Александр Иванович Арнольди** – сын Н.И. и Ив.К. Арнольди.

«Александерфельд, – как объясняет Ю.С. Крючков, – основано немцами-колонистами в 1866 году, но без названия. Вскоре получило название «Александерфельд» – по имени бывшего владельца земли Александра Арнольди, у которого колонисты купили землю, ...в 1914 году переименован в Суворово. В 1923... переименовано в Тилигуло-Березанку. С 1966 г. называется Березанка. В настоящее время – районный центр Николаевской области.»

Похоже, что Арнольди (отец и сын) на основе Адамовки Россети имели владение, расширив или подкупив землю. Высказываю такое предположение на основании упоминания А.О. Россет в одном из вариантов автобиографических записок, где упоминается речка Сасык.

Арнольди Иван Карлович, сыновья И. Россети, дети его кровные, тесно связаны с херсонской землей, с г. Херсоном, Вознесенском, селами теперешней Николаевской области.

«Знакомство» мое с Арнольди Иваном Карловичем произошло в Николаевском художественном музее, через портрет.

В экспозиции музея среди классических портретов прекрасных дам и кавалеров XIX столетия мужской портрет военного привлекает внимание некоторым нарушением строгости изображения.

Военный изображен в интерьере, т.е. в комнате, в окружении мелких предметов, говорящих о занятиях или интересах портретируемого. Мы легко «читаем», кто по положению и чем занят человек; он в сюртуке с генеральскими эполетами, основное его занятие и страстиe — военное дело, об этом говорит и статуэтка римского воина, как бы выдвинутая к краю стола для зрителя. Он только что писал, может быть, мемуары — бумага внушительной стопкой лежит на столе, а корзина под столом доверху заполнена испорченными листами.

Портрет написан в 1847 году художником школы Венецианова Евграфом Федоровичем Крендовским, который часто практиковал написание портрета в интерьере.

Личность изображенного вызывает особое внимание. «Много характера» чувствуется в ней, уверенности в своей значительности. Поза явно претенциозная. Гордая и вольная: непринужденно закинута нога на ногу, будто демонстрируя деревянный протез левой ноги (портрет мог быть поколённым). Забывая, что перед тобой только портрет, думаешь житейски: «...пишет в кабинете, не в походе, а только что не в шинели..., ведь неудобно, стесненно...». Но перед нами полевой генерал, который между походами пишет мемуары.

Портрет Ивана Карловича Арнольди
Художник Е.Ф. Крендовский (1847)

Позже, познакомившись с воспоминаниями сына об отце, убедилась: Иван Карлович оставил записи о своей военной службе.

Восприятие портретного И.К. Арнольди во многом оказалось близким к истине.

Личность, действительно, колоритная. Военная энциклопедия 1914 года рассказывает о нем, как о легендарно лихом конно-артиллерийском герое.

Он родился в 1783 году. По окончании курса в артиллерийском и инженерном кадетском корпусе произведен в подпоручики. Боевое крещение получил в 1806-1807 гг., будучи адъютантом при молодом командире, — замечательно применявшем в бою возможности артиллерии, — Кутайсове. В сражении при Прейсиш-Эйлау Иван Арнольди блестяще проявил себя на левом фланге, остановив натиск французов. По окончании этой войны уже поручик Арнольди получил награды.

В 1811 году «высочайше повелено за отличную службу при генерале Кутайсове иметь на воротнике золотые петлицы».

В 1812 году в боях при Берцине во время преследования отступающей из России французской армии рота Арнольди продолжала удивлять: «лежа на плечах» французов, истребляя неприятеля.

Находясь с ротой в отряде графа Воронцова 29 января, картечными выстрелами выгнал неприятеля из местечка Рогазин, а затем, перейдя с большой опасностью реку по тонкому льду, пересек неприятелю путь к отступлению. За этот подвиг произведен в полковники и награжден орденом Св. Георгия 4 класса.

Но легендарно-героическими, поразившими искушенных военных от солдат до государя, были его действия под Лейпцигом.

«Будучи около полудня ранен пулею в икру левой ноги, фронта для перевязки не оставил и с пулею в ноге продолжал командовать, из Редниц гнал неприятеля до самого Лейпцига, вблизи которого ему оторвало раненую ногу. Но он еще четверть часа просидел на лошади, а затем сполз с нее и командовал, лежа у правого фланга орудия. Император Александр, узнав о тяжелой ране Арнольди, прислал своего лейб-медика. Ногу пришлось отнять до половины бедра.» Шведский кронпринц, следя за сражением, потрясенный самообладанием русского воина, преклонил голову перед ним; здесь же, на месте, возложил на него военный Орден Меча и пожаловал денежное вознаграждение лихой роте.

Однако боевой дух и физические силы Ивана Карловича оказались столь сильны, что, едва оправившись, сел на коня и, догнав свою роту на Рейне, вступил в командование и привел ее в Россию. В 1817-1819 годы был он сделан начальником 4 и 5 резервных кавалерийских корпусов. В эти же годы (или в 1816-ом) так же лихо и бесстрашно женился Арнольди-полковник на вдове с пятью детьми, в 3 дня покорив сердце 27-летней красавицы Надежды Ивановны. Дочь ее, Александра, негодовала в продолжение всей своей жизни, не понимая, чем «очаровал» «хромой черт» ее мать, которой делали предложения знатные особы, а та им отказала».

Встреча молодых произошла в Соколах (Вознесенске) или другой какой-то станице, где квартировали военные, а Надежда Ивановна была в пути к родственникам.

С 1822 года Иван Карлович назначен начальником артиллерии военных поселений Херсонской и Екатеринославской губерний. Общеизвестна жестокость этих детищ графа Аракчеева. Одно известие о ликвидации в 1817 году Бугского казачьего войска и перевода казаков в военные поселенцы привело к кровавому бунту, для подавления которого потребовался 10-тысячный корпус.

К этому году у Арнольди к пяти детям прибавилось еще 3 мальчика. Вся семья, однако, не остается в одном месте, а все «кочуют» по Херсонщине, Киевщине, Харьковщине, останавливаясь на «дневки» в селах, на хуторах в «добрых» крестьянских избах или у знакомых помещиков, совершая переходы с военными частями, которыми командовал Иван Карлович.

Сохранились листочки «Журнала походу», который вела Надежда Ивановна. По 12, 18, 20 верст едут и идут она и домашние, слуги, дети. Ехали в каретах, колясках. Не всегда покупали продукты, т.к. встречались такие глухие местечки, в которых не было и малого хозяйства.

Удивительно, в журнале Надежды Ивановны нет никаких жалоб на трудности. Иван Карлович, о котором в воспоминаниях современников и особенно его падчерицы, выделяются, скажем мягко, не очень привлекательные черты – грубость, бесцеремонность, даже жадность и жесткость в обращении с подчиненными, – такого человека трогательно и заботливо любит жена.

Его нет рядом с ней день – она уже скучает о нем. А в этих изнурительных походах, по ее описанию, она любит природу, чис-

тотой деревни; приветлива с незнакомыми людьми. Всяческие неприятности переносит легко, находя выход из них. Большая семья, видимо, вынуждала Ивана Карловича искать способы прокормить ее, обеспечить и дать образование. Состояние полковника не было велико. «Генерала» он получил только в 1851-м, но и генеральского содержания не хватало. Каждый год рождались дети...

Арнольди пытался, видимо, продать Адамовку, дом и хутор его жены в Одессе, но родственники не допустили такого «свято-татства».

Арнольди обратился к Великому князю Михаилу Павловичу, который высоко ценил его военные качества, с просьбой о принятии старшей Россети — Александры — в Екатерининский институт, а мальчиков: Климения, Аркадия и Льва Осиповичей — в Пажеский корпус. Просьбу его исполнили — дети Россети получили образование, молодые люди стали военными, Александра Осиповна — фрейлиной, любимой императрицами Марией Федоровной и Александрой Федоровной.

Дети самого Арнольди оказались менее удачливы. Интересна особенность в них: Александр Иванович, Лев Иванович, будучи военными, любили, знали и почитали литературу, музыку, театр. Оба оставили мемуары; Александр Иванович был художником. Россети и Арнольди младшие знали А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова; остались их воспоминания о Пушкине.

Заканчивая рассказ об этой семье или двух семьях, добавлю об Иване Карловиче. Он скончался в 1860 году, имея много наград, среди которых в 50-летие службы был пожалован высоким орденом Александра Невского; имея чин генерала от кавалерии, то есть полного генерала, выше которого только фельдмаршал, был назначен сенатором.

Надежда Ивановна умерла рано, от родов, прожив всего 35 лет. Похоронена в Вознесенске, где был штаб ее мужа. Бравый Иван Карлович женился второй раз. Жена его Софья Карловна, урожденная Гюмбель — 1800 г. рождения, умерла в тот же год, что и муж.

О ГРОМКИЙ ВЕК ВОЕННЫХ СПОРОВ, СВИДЕТЕЛЬ СЛАВЫ РОССИЯН!

В 1821 году Александр Сергеевич Пушкин посетил Херсон, который строил его второй дед – Иван Абрамович Ганнибал, поэт начал тогда писать автобиографию. А на другой стороне Днепровско-Бугского лимана расположен Очаков, где Пушкин был предположительно в этом же году. Здесь внимание Александра Сергеевича притягивало многое: старинная крепость, следы военных батальи, важных для России; имена легендарных героев XVIII столетия. Среди них его предки: Алексей Федорович Пушкин, принявший участие в первой основательной победе русской армии в 1737 году; Исаак Осипович Ганнибал, один из сыновей Осипа Петровича Ганнибала, о его геройстве в сражениях 1787-1788 годов неоднократно докладывал А.В. Суворов в своих реляциях Г. Потемкину как об «отличавшемся неустрашимостью и храбростью».

Здесь воевал и сам Суворов – его, Пушкина, кумир! Крестник Абрама Петровича Ганнибала – его прадеда. Румянцев и де Рибас, сумевшие тактической военной хитростью вернуть крепость Очаков славянам. Военные решения генералов, моряков, казаков были интересны Александру Сергеевичу, с юных лет мечтавшему стать военным.

Мы помним: День взятия Очакова – 6 декабря 1788 года, День Святого Николая считается именинами нашего города. Не описывая истории возникновения крепости Очаков и сражений, хочу рассказать об участниках очаковских батальи, судьба которых в дальнейшем связана с Николаевщиной.

Среди них Николай Семенович Мордвинов (17.04.1754-30.03.1845). Вице-адмирал. Мордвинов управлял всеми морскими силами в 1788 году. С 1794 по 1799 гг. по выбору Екатерины II в качестве первого главного командира Черноморского флота оказался в Николаеве.

По-разному оценивают деяния этого человека: одни отличают его честность, любовь к порядку, дисциплинированность, а другие – безынициативность, черты бюрократизма и т.д.. В 1801 году директором Штурманского училища в Николаеве был Михаил Иванович Войнович – контр-адмирал Севастопольского флота, участвовавший в очаковских штурмах.

В конце 80-х начале 90-х годов XVIII столетия многие дворяне, отличившиеся в Турецкой военной кампании, получили в награду от государыни во владение земли Таврической и Херсонской губерний.

В николаевском ГАНО находим мы среди «Планов и чертежей земельных участков», принадлежавших разным лицам в Херсонской губернии, фамилии прославленных героев: земли с. Балабановки и с. Лиманы принадлежат **Г. Волконскому**; с. Галициновка – **С.Ф. Голицыну**; с. Трикраты Вознесенского уезда – **Скаржинскому**; с. Грушевка, Золотая Балка Херсонского уезда – **Энгельгардту** и т.д.

Названные фамилии хорошо знакомы нам, но жизнеописания их на николаевской земле малоизвестны. Знаем, что около маяка (Коблево) была земляная дача Г. Волконского, что возведением Свято-Троицкой церкви николаевцы обязаны ему. Об участии его во всех турецких войнах можно прочесть в мемуарах Л. Энгельгардта. О том, что сын, С.Г. Волконский, владел этими землями до ссылки в Сибирь после событий 1825 года, знаем из его писем, и почти ничего более. О **Сергее Федоровиче Голицыне**, его семье и связях с Николаевом и рассказывает эта статья.

Село Галициновка Жовтневого района связано с именем С.Ф. Голицына, участника войн с Османской Портой, которые велись в век Екатерины II.

Фамилия Голицыных известна со времен правления царевны Софии (ее любовью тайной был Василий Васильевич Голицын). В XVIII и XIX веках Голицыны – среди военных, государственных деятелей, дипломатов. Их имена связаны с искусством: музыкой, литературой, коллекционированием.

«Ни в одном из наших княжеских родов не было столько замечательных лиц, как в Голицыных», – пишет Е.П. Янькова.

С.Ф. Голицын был истинным сыном своей эпохи, когда русские лихие генералы знали одно достойное мужчины дело – воевать.

Сын Федора Сергеевича – статского советника и Президента Ямской канцелярии, Сергей Федорович (родился в 1748), в ребяческом возрасте был записан в гвардию. Он получил образование в кадетском корпусе, изучил математические науки, но военная служба по-настоящему началась, когда разгорелась война с Портой.

Сергей Федорович быстро продвигался по службе, стяжая славу храбрейшего воина, умелого и разумного командира, и награды от Государыни, а потом и от Александра I (Павел I отстранил его от армии). Взлетом в его карьере были блистательные действия вверенного ему войска в 1791 году, когда была разбита армия Верховного турецкого визиря Юсуфа Паши и захвачены турецкие позиции.

В 1804 году С. Голицын вышел в отставку генерал-аншефом, полным Андреевским кавалером. В 1810 году скончался он 62 лет от роду в Галиции, где, незадолго перед тем, вновь был призван на службу, получив командование армией, и где совершил последний свой подвиг – взятие Галиции.

«Будучи маленького роста и плотного телосложения, имея приятную наружность, был добр, умен и храбр. Страсти его были молодецкие и благородство души неимоверное.» Так пишет о нем Ф. Вигель, хорошо знавший Сергея Федоровича, живший подростком в его семье.

С. Голицын, бывая в своих имениях, в хозяйственные дела не вмешивался, предоставив их всецело супруге. Ездил на прогулку верхом или в коляске, читал книги по военной стратегии или истории. До других не был охотник. Сражался на шахматной доске с сыновьями или Иваном Крыловым, который был его секретарем и учителем детей.

Сергей
Федорович
Голицын

Сергей Федорович Голицын
Художник Дамон Ортолани

В музее В.А. Тропинина в Москве есть портрет работы Дамона Ортолани, на котором изображен Сергей Федорович (55-56 лет) «в полный рост, в форме Андреевского кавалера; в мантии, опоясанный шарфом, с цепью Андрея Первозванного на шее. Спокойная поза, открытый и прямой взгляд еще молодых, сравнительно с возрастом, глаз и мягкое выражение лица» (В.А. Верещагин. «Разоренное гнездо». «Старые годы», 1910 г.).

С.Ф. Голицын сражался с турками за Очаков «не щадя живота своего», как говорили в старину. В ту осень 1788 г. жизнь его в который уж раз подвергалась опасности. В то тяжелое время Г. Державин пишет стихотворение «Осень во время осады Очакова», обращенное к С.Ф. Голицыну и его супруге, Варваре:

Огонь, в волнах неугасимый,
Очаковские стены жрет,
Пред ними росс непобедимый
И в мраз зелены лавры жнет;
Мужайтесь, росски Ахиллеса,
Богини северной сыны!

.....
.....
.....

И ты спеши скорей, Голицын!
Принести в твой дом с оливой лавр.
Твоя супруга златовласа,
Пленира сердцем и лицом.
Давно желанного ждет гласа,
Когда ты к ней приедешь в дом.

С именем Варвары Васильевны связано в Николаевском районе несколько названий — с. Варваровка, Варваровский спуск, Варваровский мост.

Варвара Васильевна Энгельгардт, любимая племянница Г. Потемкина, на которой в 1778 году женился С.Ф. Голицын. За женой взял он немалое приданое — имения в различных губерниях России, в Украине — село Казацкое под Киевом. А в 1800 году купила Голицына у сестры своей Александры Браницкой 12 тысяч десятин земли в Херсонской губернии, перевезла в 1801 г. крестьян

из Казацкого и основала с. Варваровку на Буге, с господским домом, церковью, переправой.

Сохранился портрет Варвары Васильевны работы Д. Ортолани, писанный, вероятно, в пару с портретом Сергея Федоровича в одно время. На нем — немолодая уже (лет за 40) помещица в чепце, который скрыл ее неуложенные в прическу волосы, в халате — совсем, как пушкинская Ларина, ставшая сельской госпожой из столичной дамы, забыла моду, альбомы, «выезжала по работам, солила на зиму грибы, вела расходы, брила лбы; ходила в баню по субботам, служанок била осердясь... и обновила,

Варвара Васильевна Голицына
(Энгельгардт)

наконец, на вате шлафор и чепец». Но лицо ее оставалось красивым, и мы можем представить себе молодую Вареньку златовласую Пленерою и Улыбочкой, каковой ее видел Гавриил Державин.

Она родила 10 сыновей, один из которых умер 20-летним (с ним, по воспоминаньям Л.Н. Толстого, была обручена его мать — Мария Николаевна Волконская, но не успела выйти замуж — жених умер от горячки). Толстой пишет о том, что мать его (по рассказу тетушки), вышедшая замуж за Н.И. Толстого, «в память поэтической своей любви, которую девушки испытывают только раз», дала ему, четвертому сыну, имя жениха — Лев, и очень любила его.

«В Ясной Поляне, — читаем у Льва Николаевича, — висят портреты всех Голицыных». (Воспоминания 1903 года.) Сохранилась и до сих пор часть портретной галереи семьи С.Ф. Голицына, она размещена в гостевой комнате Яснополянского дома.

В год смерти Сергея Федоровича (1810-й, летом) старый князь Николай Сергеевич Волконский с дочерью своей навещал вдову своего боевого друга в Петербурге. Замечательные «Дневные записки для собственной памяти» об этой поездке оставила молодая Мария

Николаевна с характеристиками многочисленных семейств сыновей Голицына, яркие описания достопримечательностей Петербурга. С Варварой Васильевной вела она откровенные беседы, стараясь утешить ее. Читала священную книгу, разуверяла горевавшую, безумно любившую своего мужа вдову в решении уйти в монастырь.

Какой же была она, племянница Потемкина? Из записей современников ее вырисовывается непростой характер.

Была добра она к тем, к кому чувствовала расположение, невзирая на богатство и чины. На правах членов семьи жили у Голицыных И.А. Крылов и Филипп Вигель; Рылеев бывал в ее доме, читал свои вольнолюбивые стихи. Сама Варвара Васильевна была известна как переводчица с французского и писательница. Вероятно, от нее передались таланты в искусстве сыновьям, и хотя все они были военными, но писали музыку, прекрасно пели; театр, литература были частью их жизни.

Пушкин «был окружен» разными Голицыными. А с сыновьями Варвары Васильевны был дружен, хорошо знал их; Владимир Сергеевич написал музыку на слова Пушкина «Дарует небо человеку». Когда писал «Каменного гостя», обращался к Владимиру Сергеевичу за сведениями о Дон Жуане: в библиотеке поэта сохранилась книга, подаренная Голицыным с дарственной надписью.

Владимир Сергеевич Голицын

Некоторые из сыновей Варвары Васильевны отличались буйным нравом, не допускали высокомерного к себе отношения. Это тоже от матушки.

Получение, например, письма от мужа, когда он служил при Павле I, об освобождении его от армии, вызвало бурю: «Столь ужас-

нейшего гнева, — пишет Вигель, — я никогда не видывал, он превратил ее в фурию, исказив все черты ее лица. Она проклинала царя, всех, народ, войско...»

Она же осудила действия Сената, начавшего преследовать Державина, взяла его в свой дом, помогая восстановить репутацию.

Все, кто знал В. Голицыну, говорят также о ее доброте и хлебосольстве ее дома.

Она была богата, но старания поддержать высокую доходность имений (для чего много жила в деревнях своих), были тщетны. Не умела она приумножать богатств своих, ибо не была скаредной и хитрой, как сестра ее — Александра Браницкая.

К концу XIX века Голицыны были почти разорены. Заканчивая повествование о Варваре Васильевне в связи с селом Варваровка, не могу не сказать о судьбе имения. В 1815 году Голицына умерла. Документы архива сообщают о том, что с. Варваровка и земельные угодья В.В. Голицыной купил граф **Карл Осипович де Ламберт**, тот де Ламберт, которого военная энциклопедия представляет замечательным военным стратегом, российским генералом — героем Отечественной войны 1812 года, чей портрет, писанный Доу, находился в военной галерее Зимнего дворца. Во времена владения Варваровскими угодьями семьей Ламберта имение достигло большого расцвета.

И все же в с. Варваровка живут до сих пор воспоминания не о Ламбертах, а о Варваре Васильевне, о ее пристрастии к разведению цветников и редких сортов роз. Два века живет пристрастие жителей села, которым «заразила» когда-то своих крестьян помещица. В 1996 году молодые николаевские геральдисты устроили конкурс предлагаемых гербов для районов области. Для Николаевского района был представлен совершенно оригинальный герб: изящная женская рука грациозно держит чудесную розу.

Рассказы о тех, кто отвоевал и вернул исконно славянские земли и благоустроивал наш край в ранние его годы, разумеется, не исчерпаны.

Но... хочу сказать, что в Николаевском художественном музее им. Верещагина желающие могут увидеть портрет одного из сыновей С.Ф. и В.В. Голицыных — Владимира Сергеевича.

ИСТОРИЧЕСКИЙ СИЛУЭТ СТАТС-ДАМЫ

*Героя древнего ты именем сияешь,
Который свет себе войною покорил.
Но более ты сердцем и красой своей пленяешь,
Чем он оружием народов покорил.*
Гаврила Державин

Александра Васильевна Браницкая – урожденная Энгельгардт – еще одна любимая племянница основателя г. Николаева Григория Александровича Потемкина и любимица императрицы Екатерины II.

Для нее в 1790 году возводился в строящемся городе на р. Буге и Ингуле в местечке Богоявленске дворец.

В областном архиве г. Херсона находится документ в фонде 14: «Указом ее Императорского Величества... отведены графине Браницкой А.В. 1793 года апреля 19 дня земли... 12 000 десятин с правой стороны р. Буга и оврага Коренихи по обеим сторонам...» Был и дом Браницкой в центральной части современного города (Николаева). В ее объятиях умер Светлейший князь Таврический, выехавший больным 5 октября 1791 года из Ясс в милый ему Николаев, надеясь исцелиться, как достигнет его.

Всмотримся же в исторический силуэт этой дамы и в отдельные значительные личности, в которых отражаются черты эпохи, особенно такой важной для Украины, как XVIII и XIX века.

Александра Васильевна Браницкая известна в истории как первая из четырех красавиц-племянниц Г.А. Потемкина, как одна из богатейших помещиц Украины и Российской империи XVIII и XIX веков.

Родилась в семье смоленского дворянина Энгельгардта. Мать умерла, когда Александре было 13 лет, она и еще три сестры росли под присмотром сестры Григория Александровича Потемкина.

Жили в Москве в собственном доме у церкви Вознесения, на Большой Никитской. Григорий Потемкин увидел всех племянниц у матери; две старшие – Александра и Варвара – красавицы – ему очень понравились.

35-летний Григорий Александрович в 1775-77 годах был уже в фаворе. До 1762 года – дворцового переворота и восшествия на царский престол Екатерины II – служил он в конной гвардии капралом. Происходя из фамилии заурядных польских шляхтичей Петемпских, едва ли мог он достичь высокого чина на военной службе. Однако в день 28 июня среди конногвардейцев, сопровождавших новую императрицу российскую в Зимний дворец, молодой ловкий красавец-капрал привлек внимание Фике, становившейся царицей-матушкой. С этого дня, развращенная еще в юные годы, помнила она о бравом капрале. После отстранения Григория Орлова наступил час другого Григория, – он стал первым фаворитом Государыни. В этом же году, 1775-м, за заслуги своего дяди, Александра Васильевна была пожалована во фрейлины, а в 1777 стала камер-фрейлиной и пожалована «пребогатым портретом» императрицы.

Будучи всесильным фаворитом Екатерины, Светлейший князь, подобно государыне, не стесняясь, окружал себя гаремом из краси-

Портрет А.В. Браницкой
у бюста Екатерины II
Художник Ричард Бромптон

вейших женщин. Среди них были, поочередно, все его племянницы. Мать укоряла сына, пытаясь разбудить в нем совесть, но он писем ее не читал, бросал нераспечатанными в пылающий камин.

«Дядюшка из родственников своих составил... гарем во дворце, часть которого он занимал, и там они по временам разрешались от бремени, не переставая называться «капище моего сердца», — пишет И.М. Долгорукий.

Был ли по природе своей развращенным Григорий Александрович? Едва ли. Вырос он в строгой добропорядочной семье.

Вот что читаем мы в «Записках» Л.Н. Энгельгардта, отличающихся искренностью и чистосердечием, они вызывают доверие у читателя: «Игра в карты, пьянство, развращенность появились среди военных и невоенных дворян во времена Екатерины». Он, например, считает, что взятие Очакова затянулось по причине отвлечения фельдмаршала дамами, которые наехали к нему из Петербурга. (Среди них была и Александра Васильевна.)

«Екатерина знала плутни и грабежи своих любовников, но молчала, — пишет А.С. Пушкин, — развратная государыня развратила свое государство.»

Каждого отставного фаворита Екатерина награждала землями с крестьянами, золотом, высоким званием, титулом.

«Светлейший Князь следовал примеру государыни. Любовниц своих «оплачивал милостью от казны», отличиями и разными наградами, кои потом обольщали богатых женихов и доставляли каждой племяннице, сошедшей с ложа сатрапа, прочную фортуна на всю жизнь.» (Долгорукий И.М.)

Особенно счастливая фортуна выпала Александре Васильевне. Ее Потемкин выдал замуж 12 ноября 1781 года за **Франциска Ксаверия Браницкого**, с 1773 года — великого коронного гетмана Речи Посполитой. Брак этот отвечал политическим расчетам императрицы — она просматривала возможность мирного присоединения Польши к России.

С замужеством в жизни Александры Васильевны наступает перелом. Страсти молодости утихают. Она становится образцовой супругой человека вдвое старше ее, не отличавшегося умом, но умевшего заслужить расположение спокойной и рассудительной невесты.

Современники указывают как пример, что оставалась она верной супругу своему, не раз спасала мужа — человека расточительного — от разорения; бережливостью до скупости удвоила огромное его состояние.

Зимой Браницкие жили в Петербурге, около Императрицы, весной — в малороссийских поместьях мужа, центром которых было местечко Белая Церковь (в 80-ти верстах от русской границы). Оно стало любимым Александрой Васильевной. Сюда после свадьбы привез ее Ксаверий, преподнеся имение как свадебный подарок.

Александра Васильевна начала приводить усадьбу в порядок. Строгая отчетность, экономические расчеты принесли прекрасные результаты — Белая Церковь очень скоро стала давать 60 тысяч рублей ежегодного дохода.

Средством обогащения, и не малым, являлись подряды на армию.

«Магазейны по Бугу наполнены, — писал вице-канцлер Безбородко Воронцову в 1791 году, — а прочее доставление все на подрядах. Графиня Браницкая, Энгельгардт, князь Сергей Голицын, граф Вит и тому подобные, дерут с казны цены пребольшие; например, графиня Браницкая подрядилась поставить хлеб в Таврические магазейны четверть по 7 руб. 50 копеек — имела уже на семь подряд барыша до 180 тыс. рублей, кроме что фуры ей на обратном пути должны были вывезть полный груз соли за обыкновенную там цену, т.е. за пудъ по 10 копеек, но сим не удовольствовалась: требовала еще, чтобы платеж был учинен за все червонцами, полагая каждый по 3 рубля, когда выше четырех рублей сюда из Польши приходят».

Умела Браницкая жалобами и претензиями от Государыни получать «благостыню», от дядюшки — поддержку и богатые подарки.

Обращался с племянницами Григорий Александрович бесцеремонно; их благосостояние зависело от него; противоречий он не терпел. Его желания должны были ими беспрекословно исполняться. Четвертая его племянница Екатерина Скавронская являлась к нему в Белую Церковь, когда он там отдыхал, для свидания с ним.

«... Я скажу только, — писал Потемкин, — что знатность моей родне сообщается от меня; они обязаны всем мне, что они без меня в худом были бы, конечно, состоянии, что я им отец, а потому воспитание их, честь и бесчестье мне приносит, но сие воспитание и следует быть на моей апробации.»

Александра Васильевна больше, чем другие сестры, умела быть дипломатичной в отношении дяди. Она ограждала его перед Екатериной II от всяких козней и клеветы от завистников. Была она с Григорием Александровичем в последние его дни и часы.

Получив сообщение о болезни Светлейшего, императрица послала гонца в Белую Церковь за Браницкой, чтобы та срочно выехала к нему. Но Александра Васильевна была уже в Яссах и отправилась с Потемкиным в последний его путь — в Николаев. «В ее объятиях он и умер», — пишет Л.Н. Энгельгардт.

На фоне притворного отчаяния свиты горе Браницкой было искренним. «Графиня Браницкая, — писал Безбородко секретарь Потемкина Попов, — бросаясь на него, старалась уверить себя и всех, что он еще жив, стараясь дыханием своим согреть охладевшие уста. Поняв, что он мертв, — потеряла сознание.»

Александра Васильевна до глубокой старости вспоминала о дяде с чувством любви и уважения.

На месте кончины Потемкина воздвигнут был по ее желанию каменный столб с надписью:

*Покровъ имея твердъ,
И землю одръ,
Средь поля оставил міръ
Как мятежную юдоль.*

(Г.Р. Державин)

В память же Потемкина Александра Васильевна основала в Белой Церкви Григорьевскую больницу для крестьян. Державин же сложил надписи для больницы. Одна из них такова: «Григорьевская больница от щедрот Екатерины Вторыя графинею Браницкой в память заслуг дяди ея Князя Григория Александровича Потемкина-Таврического, Возстановителя и повелителя Черноморского флота и его к ней неисчетных благотворений. Воздвигнута 1795 года».

Особое расположение к Браницкой отмечают историки со стороны императрицы.

Она — одна из самых ближайших лиц к Екатерине II в ее интимном кругу. Замечены были черты, сблизившие Браницкую с ней в складе ума и в характере.

Ф. Ф. Вигель, гостивший с матерью в Белой Церкви, подчеркивает и внешнее сходство их.

«Я увидел посреди комнаты женщину, которая показалась мне столь же величавой, точно в таком же наряде, как у императрицы Екатерины II, портрет которой висел в гостиной. Она была ни стара, ни молода: стан ее был стройный, хотя не гибкий; лицо отменно приятное, свежее и серьезно улыбающееся.»

Александра Васильевна не обманула политических надежд в отношении Польши.

Отвечая на поздравление Браницкой с победой над шведами, Екатерина благодарила за участие, которое та принимает в благополучии государства российского, что в том же настрое положительного влияния оказывает она на мужа и детей своих.

Ксаверий же всегда действовал в интересах России, и Александра Васильевна поддерживала мужа.

Во время путешествия государыни в Крым в 1787 году Браницкая была с ней. Ее сын – любимец императрицы, пятилетний Владислав – находился неотлучно при Екатерине. 20 марта 1787 года Браницкая получила за это путешествие Орден Святой Великомученицы Екатерины.

Любопытна переписка Екатерины II с Браницкой. Вот одно из писем к Александре Васильевне после замужества. Содержание его и стиль настолько интимны, как писала бы мать к дочери.

«Долго ли это будет, что ты, мой свет, не родишь? Кто слышал, что целый год брюхата! Знатно, это мода польская, а у нас в Руси более девяти месяцев на то не нужно. Опомнись, душа. Ведь ты вовсе не полька, ведь ты смолянка. Но как бы то ни было, будь здорова, а буде можно, расстанься с беременностью.»

Когда, наконец, Браницкая родила сына, крестной матерью была Екатерина II.

Второй сын был назван Александром в честь любимого внука Государыни. Имя старшей дочери – имя императрицы – Екатерина; младшей – в честь супруги Александра – Елизавета. Радовало Екатерину II, что Александра Васильевна следовала ее методу в воспитании детей.

После смерти Потемкина императрица не изменила своего отношения к семье Браницкой.

Она пригласила Браницкую быть рядом с ней, как и раньше. Приглашенные, уже 13 февраля 1792 года, поселились в царском дворце.

Один из последних портретов
А. Браницкой

Проживание Браницких обходилось дворцу до 200 000 рублей в год, по 400 рублей в день, о чем сокрушался князь Безбородко в докладах государыне.

После смерти князя Таврического государыня сняла долги казенные с него; а в разделе имущества между родственниками Сенат решил дело в пользу А.В. Браницкой и Екатерины Скавронской.

В последние годы жизни императрицы пребывание во дворце Браницких стало тягостным для нее. Она не раз предлагала любимице то один, то другой дворец в Петербурге, но та не принимала подарка. Наконец, 29 июня 1795 года

рескриптом на имя Безбородко графине Браницкой – статс-даме – пожалован был на Мойке «со всеми уборами», купленный у наследников дом графа Андрея Шувалова. Браницкие перебрались туда.

6 ноября 1796 года Екатерина II внезапно скончалась. Браницкая с одряхлевшим мужем уехала в Белую Церковь, где проживала уже постоянно.

С большим еще усердием занялась она умножением своих богатств и обустройством огромного, в 300 га (десятин), парка «Александрия» – предместья Белой Церкви.

В парке были построены здания. Одно из них – царский павильон, в котором останавливался император Александр I в 1816-1818 годы. Другое – главный павильон, в нем в летние месяцы проживала семья Браницких. Третье – танцевальный павильон. В нем танцевали в свое время офицеры, бывшие со своими полками в летние месяцы здесь на учениях в лагерях.

В 1824 году в его залах танцевали Павел Пестель, Михаил Бестужев-Рюмин, Сергей Муравьев-Апостол – революционеры-декабристы.

Из исторических очерков узнаем об особом пристрастии Александры Васильевны: «Она не столь заботилась о постройке вели-

чественных зданий, но всегда заботилась об озеленении его (*парка — Н. Р.*). Особенным пристрастием ее были редкие породы деревьев. Одни она любила и, совершая пешие прогулки, разговаривала с ними, как заботливая мать. Другие не нравились ей, но она говорила: «Этих вот я не люблю, но не велю их уничтожать — пусть растут!» (*«Юр'ївський Літопис» № 1, 1996 г.*). В 1816 году 12 сентября пишет Александра Васильевна письмо сыну Владиславу, в котором описывает праздник, устроенный в «Александрии» в честь пребывания императора Александра. Он своими руками, сам, посадил дерево в саду: «... памятник нашему потомству беспримерный». И просит сына привезти от княгини Радзивилловой кустик каприфоли из ее Аркадии, так как у нее этого растения нет; «... это лучший подарок от тебя для меня будет». Парк «Александрия» становится дендропарком с редчайшими деревьями.

Бурные годы двух веков ураганом промчались над Белой Церковью, но парк «Александрия» в его великолепии жив, поражая величием и красотой. Здания разрушены, но осталась красота зеленых насаждений, фонтаны, гроты, ставки, замечательные бронзовые скульптуры и памятники.

В благоустройстве парка много было сделано последней владелицей имения — **Марией Евстафиевной Сапегой** — вдовой Владислава Владиславовича Браницкого.

При ней установлен своеобразный памятник, получивший название «Скамья декабриста». С этой скамьи был арестован руководитель «Общества объединенных славян» дед Марии Евстафиевны — Евстафий Сапега — генерал — за участие в восстании за независимость Польши в 1830 году. **Евстафий Сапега** был сослан в Сибирь, где встретили его декабристы.

В Николаевском художественном музее им. Верещагина есть прекрасный портрет молодого Е. Сапеги кисти известного австрийского художника Иоганна Баттиста Лампи Старшего.

С Владиславом Ксавериевичем Браницким — сыном Александры Васильевны — знаком был Александр Пушкин. В 1820-1821 годах он был в Белой Церкви и в парке «Александрия», об этом свидетельствует мемориальная доска рядом со скульптурным портретом поэта в нише одной из колонн, венчавших вход в парк.

Портрет Евстафия Сапеги. Художник
Иоганн Баттист Лампи Старший

Портрет Евстафия Сапеги
Художник И.Б. Лампи Старший

Будучи в «Александрии» Белой Церкви, А.С. Пушкин не мог не встречаться с А.В. Браницкой (был он в Белой Церкви с родственниками Александры Васильевны – Раевскими-Давыдовыми).

А.В. Браницкая умерла 15 августа в 1838 году. К этому времени имела огромные доходы с труда крепостных крестьян 8-ми уездов (Васильковский, Таращанский, Богуславский и др.). По государственной ведомости (1840) у Браницкой было 99 584 ревизских душ. Сама Александра Васильевна затруднялась в точном определении доходов, но внук ее – Владислав Владиславович – имел сахарные заводы, конезаводы и другие промышленные производства. В 40-е-50-е годы XIX столетия имел капитал в банках Парижа, Лондона, Берлина и Рима. Браницкие-Сапегы-Потоцкие в 1918 году были известны как крупные промышленники Польши и Украины.

А.В. Браницкая завещала похоронить ее (по особой просьбе к царю) рядом с католиком-мужем Ксаверием в католическом соборе Белой Церкви, «с коим весьма много лет жила в душевной любви и беспрестанном согласии...».

Александра Васильевна – родоначальница рода – позаботилась красиво уйти из жизни и оставить о себе достойную истинной христианки память. На помин души она пожертвовала 200 тыс. рублей для выкупа должников из тюрем и около 300 тыс. рублей с тем, чтобы проценты с этого капитала ежегодно употреблялись на поддержку благосостояния крестьян, водворенных в числе 97 тысяч душ в бывших ее 217-ти имениях.

В 1875 году накопившиеся проценты были переданы в виде основного капитала «Сельскому банку графини Браницкой», учрежденному в Белой Церкви.

Дополнение

Главная часть очерка об А.В. Браницкой основана на официальных исторических материалах, но есть и другие – неофициальные – материалы, приоткрывающие «особо близкие» отношения **А.В. Браницкой** и Екатерины II, **А.В. Браницкой** и Г.А. Потемкина. Они существуют в виде легенд, передаваемых из поколения в поколение **Браницких, Потоцких, Сапег**. Они, эти легенды, – по мнению историков-исследователей, – могут быть близки к исторической правде.

Утверждение историков XIX века, что **Александра Васильевна** была любовницей Григория Потемкина, вызывает сомнение. Их отношения скорее похожи на отношения отца к дочери – это можно заметить по особому, щедрому отношению его к одной из племянниц – Александре – в продолжение всей его жизни. А забота о Григории Александровиче со стороны Александры Васильевны во время его жизни, болезни, при его смерти и после нее, характеризуют ее как любящую дочь.

Вот что рассказывает в своих воспоминаниях Олизар Густав Филиппович (1798-1865), граф, общественный деятель, киевский губернский предводитель дворянства в 1825-1825 гг., автор мемуаров, поэт и т.д.:

«Как великая тайна, в семье Браницких передавалась легенда, что на самом деле жена графа Ксаверия – родная дочь имперетрицы Екатерины.

Было рассказывали, так: когда Екатерина, еще будучи молодой женой великого князя, разрешилась от бремени, ее свекровь императрица Елизавета распорядилась подменить новорожденную младенцем мужского пола, чьим – неизвестно. Им оказался будущий император Павел, которого Екатерина терпеть не могла. Дочь ее Александра была удочерена сестрой Потемкина (но не матерью – подчеркивание Н.Р.). В достоверности легенды Браницкие не сомневались: жена графа Ксаверия была ровесницей Павла Первого и больше, чем он, похожа на императрицу (оба родились в 1754 году – Н.Р.).»

Вспомним, какое сходство А.В. Браницкой с Екатериной II увидел вошедший в гостиную дома Браницких Ф.Ф. Вигель.

Посмотрим внимательно на картину работы Рихарда Бромптона. (см. стр. 21).

Молодая Александра стоит, левой рукой опершись на тумбу, рядом с которой – пьедестал с бюстом Екатерины II. Впечатление, что Александра прислонилась к Екатерине, чего не могла бы сделать для официального изображения ни одна, даже самая близкая, фрейлина.

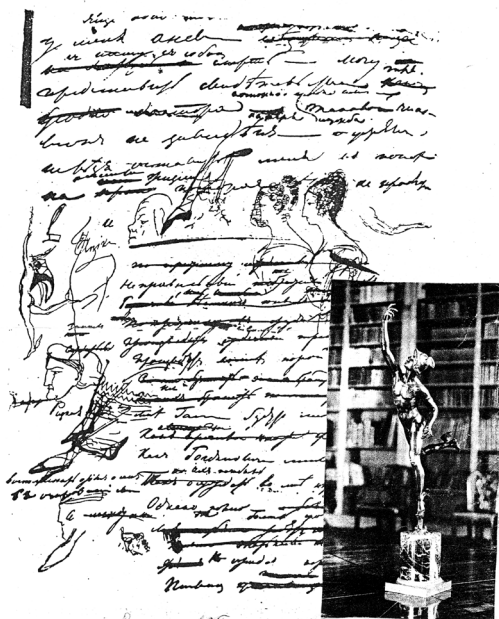
Лица обеих женщин дают возможность без натяжек увидеть их сходство: небрежная вольная поза, хитро смотрящие торжествующие глаза и легкая улыбка говорят о родственной близости этой женщины к Екатерине.

Портрет написан по возвращению из поездки в Крым в 1787 г. Екатерины II, Александры Васильевны и ее малолетнего сына Владислава – любимца императрицы. После этой поездки Александра Васильевна получила орден Св. Великомученицы Екатерины – богатыше украшенное драгоценными камнями: его мы видим на картине. Думается, не случайно использовано и покрывало, может быть, соболье (царское), наброшенное на тумбу – рука Александры

положена на него, как бы соединяя царицу и ее.

В заключение хочется представить любопытный рисунок А.С. Пушкина, сделанный в черновике 3-й главы «Евгения Онегина», которую писал он в Одессе, перед текстом Письма Татьяны к Онегину.

Рисунок явно представляет собою сюжет. Сверху голова Павла I, за нею – два профиля **Елизаветы Ксаверьевны Воронцовой** (урожденной **Браницкой** – дочери Александры Васильевны). Слева у края листа профильная голова Г. Потемкина. Внизу – маленькая

Страница рукописи А.С. Пушкина
(фото статуэтки дано для сравнения)

женская головка в профиль, очень похожая на профиль Екатерины II. Этот картинный сюжет открывает летящий Меркурий. Меркурий – вестник. Он «на бегу», точнее «на лету» правой рукой он подбрасывает письмо, только что написанное «поэтическим» (гусиным) пером. В левой руке он держит кадуцей – палочку, опутанную змейками: (кадуцей открывает и устраняет препятствия, возникающие на пути вестника). Однако, крылья Меркурия – за спиной! Странно. В классических скульптурных изображениях Меркурий предстает с крыльями на сандалиях и на шапочке. В пушкинском рисунке – они на спине и, похоже, связаны. Почему?

Пушкин в Одессе служил чиновником у графа М.С. Воронцова, познакомился с его женой Елизаветой Ксаверьевной (урожденной Браницкой). «Тайна Браницких» вновь заговорила для поэта. В рисунке с Меркурием можно предположить три плана мысли Пушкина: историческую, связанную с началом его работы над Историей 18 века, где он рассматривает деятельность Петра 1, Екатерины 2 и Григория Потемкина, и Павла 1.

Второй план связан с Елизаветой Ксаверьевной Воронцовой, в которую Пушкин влюбился. Меркурий же с письмом связан с его надеждой на отставку от чиновничьей должности, чтобы профессионально заняться поэтической и писательской деятельностью, то есть вернуть себе независимость!

Содержание

Как посравнить да посмотреть век нынешний и век минувший... ..	3
О громкий век военных споров, свидетель славы россиян!	13
Исторический силуэт статс-дамы	20

Наталя Миколаївна Рудакова

Портрети і долі (миколаївські прізвища) Випуск 1-й

Редактор	— М. Скаліцкі
Комп'ютерна верстка	— М. Скаліцкі, Д. Кукол
Коректор	— Л. Кузнецова

Підписано до друку 17.10.2007 р. Формат 60х90^{1/16}.
Папір офсетний. Гарнітура QuantAntiqua. Друк офсетний.
Ум.друк.арк. 2,0. Обл. -вид.арк. 1,5. Тираж 1000 прим. Зам. № 74.

Видавництво Ірини Гудим
Свідоцтво про державну реєстрацію № МК 3 від 14 травня 2002 р.
54030, м. Миколаїв, вул. Адміральська, 20. Тел. (0512) 35-23-36, 35-20-18